

**ФЕВРАЛЬСКАЯ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ И АГРАРНЫЙ ВОПРОС У ЭСЕРОВ**

(Соотношение программы и тактики)

«Аграрный вопрос — это наш центральный вопрос. Если мы провалимся в аграрном вопросе, то тогда нам будет крышка»,¹ — такое заявление прозвучало с трибуны III съезда эсеровской партии 30 мая 1917 г. Эти слова можно считать пророческими. Аграрный вопрос (наряду с вопросом о войне) действительно стал в 1917 г. для эсеров тем камнем преткновения, споткнувшись о который

¹³⁴ Там же, д. 102, л. 3, 5—7, 11, 12.

¹³⁵ См.: Л. Е. Шепелев. Акционерное законодательство Временного правительства. В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971, с. 369—381.

¹ Протоколы третьего съезда партии социалистов-революционеров, состоявшегося в Москве 25 мая—4 июня 1917 г. Стенографический отчет. Пг., 1917, с. 258.

они постепенно утратили влияние в крестьянстве, дискредитировали себя как правящую партию и в конечном итоге сошли с исторической сцены.

Однако в начале 1917 г., казалось, ничто еще не предвещало такого близкого конца. На III съезде докладчик по аграрному вопросу Н. И. Факитников с апломбом утверждал, что основные особенности русской революции были в свое время определены настолько правильно, что нет никакой нужды вносить в программу какие-либо значительные изменения. VI совет партии, готовя этот съезд, сказал докладчик, «поставил вопрос об аграрной политике и полагал, что основная наша программа останется неприкосновенной, что опыт нашего революционного движения не выдвинул никаких серьезных проектов, обоснованных положений, чтобы нужно было пересмотреть основания нашей программы».²

Программа партии эсеров, включавшая и аграрную часть, была принята на I партийном съезде в январе 1906 г. Она действительно формально осталась без изменений и в 1917 г. Но дело в том, что многие принципиальные положения в программе были сформулированы в такой общей форме, настолько широко, что, очевидно, поэтому III съезд и не стал принимать новую программу, ограничившись только отдельными резолюциями. Толкование программы было очень различным в разные годы и у разных группировок внутри эсеровской партии. Считая с определенным основанием, что они остаются в рамках партийной программы, те или другие эсеровские лидеры доходили иной раз до противоположных крайностей.

В 1917 г. эти споры уже самым непосредственным образом влияли на аграрную политику эсеров. Данная статья имеет целью выяснить, как различные руководители эсеровской партии теоретически обосновывали свою тактику в аграрном вопросе в первые месяцы после Февральской буржуазно-демократической революции. Нас в данном случае интересует прежде всего аргументация эсеровских лидеров, те доводы, которыми они обосновывали свою практическую деятельность, ибо именно эта аргументация, эти доводы оказывали, пусть временно, большое влияние и на крестьян, и на рядовых членов партии. Их надо было убедить в правильности партийной политики, в том, что новейшее толкование партийной программы отвечает создавшимся политическим условиям.

* * *

Объявив в 1906 г. своей конечной целью «обобществление труда, собственности и хозяйства», социалисты-революционеры главное внимание тогда уделили разработке программы-минимум. Предполагалось, что в «революционный момент» задачей партии яв-

² Там же, с. 242.

ляется прежде всего «расширение и углубление» различных «социальных, имущественных перемен» в положении трудящихся. Была выдвинута целая система политических и экономических требований, которые эсеры собирались в этот период «отстаивать, поддерживать или вырывать».³

Эсеры считали, что после февраля 1917 г. наступил благоприятный момент для претворения в жизнь именно программы-минимум. Прежде всего это относилось к аграрной части программы, к широко разрекламированной социализации земли. Вот что об этом было записано в 1906 г.: «В вопросах переустройства поземельных отношений П[артия] С[оциалистов]-Р[еволюционеров] стремится опереться, в интересах социализма и борьбы против буржуазно-собственнических начал, на общинные и трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства... Все земли поступают в заведование центральных и местных органов народного самоуправления, начиная от демократически организованных бессловных сельских и городских общин и кончая областными и центральными учреждениями».⁴

В приведенном программном тезисе обращает на себя внимание равноправное упоминание не только общинных, но и трудовых воззрений, традиций и форм жизни русского крестьянина.

Сопоставляя этот отрывок из программы эсеров с теоретическими построениями русского утопического социализма в целом, следует напомнить, что ему начиная с середины XIX в. был присущ общинный характер. Наиболее прямой путь к социализму лежит через крестьянскую поземельную общину — таково было убеждение Герцена, Чернышевского, народников 70—80-х годов. Положение несколько изменилось в следующем десятилетии. Развитие капитализма в деревне, хотя и отрицалось в народнических журналах, все же заставило неонародников 90-х годов, а затем и эсеров делать те или иные оговорки относительно общины. В такой обстановке появилась и постепенно стала теснить старонароднический общинный социализм теория мелкого трудового крестьянского хозяйства, успешно противостоящего капитализму и склонного к социализму независимо от того, входит ли данное трудовое хозяйство в общину или нет. В начале XX в. опора только на одни общинные традиции и формы жизни деревни казалась эсерам уже недостаточной. Поэтому в помощь им в программе появились еще и трудовые традиции и формы.

Однако в период разработки программы, как до съезда, так и в дискуссии на I съезде эсеров, четкого разграничения общинных и трудовых традиций не проводилось, они как бы существовали неотделимо друг от друга. Большинство эсеров по-прежнему

³ Программа партии социалистов-революционеров. Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров. [Б. м.], 1906, с. 360—361.

⁴ Там же, с. 363.

главным образом с общиной связывали свою убежденность в безусловной социалистической природе русского крестьянина.

Можно себе представить, какой переполох в стане «общинников» произвела Столыпинская аграрная реформа. По выражению одного из авторов, она вызвала у них «идейный столбняк». «Да, идейный столбняк, состоящие растерянности и недоумения осенило многих из тех, кто еще так недавно не ведал ни колебаний, ни сомнения».⁵ В связи со Столыпинской реформой появилась необходимость вновь заняться теоретическими проблемами эсеровского социализма с тем, чтобы доказать правильность эсеровской программы и в новых условиях. Эту задачу взял на себя выходявший в 1910—1911 гг. под редакцией В. Чернова неперIODический эсеровский журнал «Социалист-революционер». «Социалист-революционер» решительно восстал против того, чтобы связывать «судьбу социализации земли как программы-минимум» с «судьбою общины».⁶

Изменения во взглядах эсеров на роль общины, происшедшие после 1905—1907 гг., представляют немалый интерес и в определенной степени объясняют некоторые стороны их тактики в аграрном вопросе 1917 г.

Н. И. Ракитников, писавший в «Социалисте-революционере» под псевдонимом Н. Максимов, не отрицал проходящего после 1906 г. активного процесса перехода общинных земель в частную собственность. И даже, объясняя с радостью некоторое замедление темпов осуществления Столыпинской реформы в 1910 г. приверженностью крестьян к общинному землевладению, он тем не менее не обольщал себя и других надеждой на полное прекращение выходов из общины.⁷ «Разрушение общины указом 9 ноября, — говорилось в статье, — факт огромного общественного значения». Он «меняет радикально всю обстановку современной деревни, а стало быть, условия нашей революционно-социалистической работы в ней». Это, по мнению автора, конечно, требовало определенной переоценки «некоторых ценностей», по отнюдь не должно было привести к радикальному пересмотру программы и тем более «миросозерцания».⁸

Статьи Ракитникова в «Социалисте-революционере», оставляя в теплом вопросе о частичных теоретических уточнениях, выполняли как раз вторую задачу: доказать друзьям и врагам незыблемость основных эсеровских теоретических положений, несмотря на все

⁵ С. Р. Крайний. Социализация земли как тактическая проблема. — Социалист-революционер, 1911, № 3, с. 162.

⁶ Н. М[аксимов]. Социализация земли и наша программа-минимум. — Социалист-революционер, 1911, № 3, с. 238.

⁷ И. Максимов. Разложение общины и наша программа. — Социалист-революционер, 1910, № 1, с. 131—135; Н. М[аксимов]. Социализация земли и наша программа-минимум, с. 281—282.

⁸ Н. Максимов. Разложение общины и наша программа, с. 135—136.

действия правительства против общины. Делалось это путем обоснования тезиса, что еще со времен выработки программы община вовсе не играла во взглядах эсеров «роли того краеугольного камня, на котором все держится и с вынуждением которого все рушится».⁹

С этой целью Ракитников провел развернутое сравнение классических народнических взглядов на общину и — более широко — на пути перехода России к социализму с тем новым, что было внесено в эти вопросы в начале XX в. социалистами-революционерами. Для Герцена, по словам Ракитникова (и это действительно так), славянская община являлась «чуть ли не единственным якорем спасения для социализма». Прав он и в том, что «воззрение Чернышевского на отношение общины к социализму выражено в более умеренных терминах, чем это сделал Герцен, но оно несомненно очень близко к герценовскому». Народники 70-х годов жили в мучительной тревоге «за судьбу драгоценных зародышей социалистического будущего» и звали крестьян к революции, пока еще правительство и нарождающаяся буржуазия не разрушили общину и вместе с ней возможность для России миновать капиталистическую фазу развития.¹⁰

Но время шло. Постепенно споры о том, может или не может Россия избежать капитализма, прекратились. Даже эсеры вынуждены были признать, что русский капитализм, по крайней мере в городе, стал фактом, действительностью. В этих условиях старая народническая идея о скором вступлении в социализм, минуя капитализм, в результате победоносной крестьянской революции и через посредство общины трансформировалась у эсеров в утверждение возможности «в каждый момент прервать» развитие капитализма, «в каждый данный момент положить конец капиталистической эксплуатации, не дожидаясь боя часов, приводимых в движение производительными силами».¹¹ Но теперь не община давала им такую уверенность. Увлечение ею, «идеализация ее, свойственные семидесятым годам, постепенно выветривались». В начале XX столетия она казалась «гораздо более прозаической особой», чем представлялась ранее.¹² После всего сказанного уже не таким неожиданным выглядит следующее заявление: «Основные принципы социализации земли ... ни в какой связи с сохранением общинного землевладения не стоят».¹³ Эсеры считали, что их программа социализации земли одинаково пригодна и для общинных районов, и для тех мест, где преобладает подворно-наследственная система землевладения. Обращение земли в общепародное достояние, осуществление при-

⁹ Там же, с. 138.

¹⁰ Там же, с. 150, 152, 160—161.

¹¹ Там же, с. 161, 164.

¹² Там же, с. 165.

¹³ Там же, с. 167.

ципов демократического самоуправления при организации землепользования и гарантия индивидуальных трудовых земельных прав — вот что, по утверждению эсеровского теоретика, составляло теперь основу эсеровской аграрной программы-минимум.¹⁴

Попытки умалить роль общины в аграрной программе эсеров, особенно активно предпринимавшиеся после 1907 г., были связаны, как уже говорилось, со стремлением выйти из идейного кризиса в партии, вызванного активным проведением в жизнь Столыпинской реформы. Но даже и в это время тот же «Социалист-революционер» предостерегал от шахаханья из одной крайности в другую. Теперь, когда судьбы общины в опасности, говорилось в одной из статей, «очень соблазнительно сводить к минимуму связь, существующую между нашими программно-тактическими построениями и общинным духом крестьянства».¹⁵

Конечно, теория мелкого трудового крестьянского хозяйства, которое впоследствии предполагалось охватить различными формами кооперации, в какой-то степени ослабила значение общины в аграрных взглядах эсеров сравнительно со старонароднической теорией общинного социализма. Тем не менее община все же не перестала играть в эсеровской социализации важную роль. Для многих она продолжала оставаться если не единственным ее условием, то во всяком случае очень существенным фактором, облегчающим аграрные преобразования в духе эсеровской программы. Это двойственное отношение к общине, характерное для эсеров в межреволюционный период: для одних — благоговейное, для других — полубезразличное, наложило свой отпечаток и на их тактику в аграрном вопросе после февраля 1917 г., а также и на теоретическое обоснование этой тактики.

Ярко выраженную прообщинную позицию занимал после Февральской революции видный деятель эсеровской партии, редактор «Известий Всероссийского Совета крестьянских депутатов» Н. Я. Быховский. На II Петроградской городской конференции эсеров в апреле 1917 г., делая доклад по аграрному вопросу, он заявил: «Существование русской общины и веками выработавшихся в народном сознании уравнилельно-передельных традиций и навыков рассматривалось нами всегда как один из могучих факторов народно-правового сознания для осуществления социализации земли».¹⁶ Ту же мысль он развивал и на I Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов в мае. Периодические переделы земли в общине являлись, по его словам, «самым показательным аргументом» в пользу того, что крестьяне «способны воспринять социалистическую идею». «Конечно, и при

¹⁴ Социалист-революционер, 1911, № 3, с. 195.

¹⁵ Там же, с. 187.

¹⁶ Дело народа, 13 апреля 1917 г., № 23, с. 2.

переделах бывают обиженные и обделенные, но важен принцип переделов. Само по себе стремление к равномерному распределению благ есть уже начало того, к чему стремится социализм».¹⁷

В обоих докладах, приводя цифры и расчеты, Быховский стремился доказать, что община, несмотря на Столыпинскую реформу, в основном устояла и способна по-прежнему быть основой эсеровских аграрных преобразований. Хотя за время действия Столыпинского законодательства 2,5 млн крестьян (23%) вышли из общины, это далеко еще не был ее конец: отвалился лишь угол здания, а самый массив остался почти нетронутым. Быховский утешал себя и других также тем, что община больше всего разрушалась там, где и раньше не было прочных общинно-передельных традиций — в местах новой колонизации на юге и юго-востоке страны, на слабо общинном северо-западе, наконец, в промышленных губерниях, в которых земледелие не имело большого значения. На эти районы (14 губерний), по его подсчетам, приходилось 57% (доклад на Петроградской конференции) или 63% (доклад на съезде Советов крестьянских депутатов) выделившихся. В остальных 34 губерниях Европейской России Быховский насчитывал только полмиллиона единоличных хозяйств и отсюда делал оптимистический вывод: «... в исконно общинных губерниях единоличное крестьянское землевладение представляет собой незначительные островки в общинном море»¹⁸ или даже «ничтожные острова среди огромного океана русского общинного крестьянского землевладения».¹⁹

Не менее оптимистично в его изложении выглядел и общий итог подсчета единоличных и общинных хозяйств для всей Европейской России — 4,5—5 млн единоличных из общего количества в 20 млн. Таким образом, резюмировал докладчик, три четверти дворов остаются общинными и для них «лозунг обобществления земли и теперь является самым желанным и понятным лозунгом».²⁰

Для Быховского характерно стремление не только предотвратить дальнейшее разрушение общины, но вообще ликвидировать все последствия столыпинской деятельности. «Наша задача, — говорил он на съезде крестьянских Советов, — должна заключаться в том, чтобы всех вышедших из общины снова вернуть в нее». Даже в южных губерниях, которые Быховский считал «сравнительно неблагополучными», было возможно, по его мнению, «оживить общинный порядок». «До известной степени» это оказывалось достижимым и на Украине, несмотря на то что

¹⁷ Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов, 26 мая 1917 г., № 15, с. 2.

¹⁸ Дело народа, 13 апреля 1917 г., № 23.

¹⁹ Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов, 26 мая 1917 г., № 15.

²⁰ Дело народа, 13 апреля 1917 г., № 23.

там вообще не существовало общины.²¹ Таким образом, Быховский, хотя и не утверждал, что без общины социализация земли совершенно невозможна, настолько был уверен в огромных преимуществах, которые дадут общинные навыки в планируемых эсерами аграрных преобразованиях, что проектировал насаждение общины даже в тех местах, где ее никогда раньше не было.

Однако не все придерживались таких крайних убеждений. В газетных статьях и в выступлениях ораторов на конференции петроградских эсеров и на съезде Советов крестьянских депутатов если и упоминалось об общине, то это выглядело не более как общим местом, обычной эсеровской фразеологией, и было бы преувеличением придавать ей какое-то злободневное принципиальное значение. Большинство эсеровских теоретиков в это время, очевидно, было согласно с упоминавшимся выше тезисом «Социалиста-революционера» о почти одинаковой пригодности для социализации любого типа крестьянского хозяйства — как общинного (это лучше), так и подворного. В этом духе выступал на съезде Советов крестьянских депутатов В. Чернов. Он пытался обрисовать общую картину будущего землеустройства и исходил при этом из паличия различных форм землепользования в России, не предлагая преобразовывать подворное в общинное.²² Свою точку зрения, высказанную еще в 1911 г. в «Социалисте-революционере», повторил на III съезде эсеров Ракитников.²³ Орган петроградской организации эсеров газета «Земля и воля» предполагала три возможных типа пользования общенародной землей после осуществления земельной реформы: общинное, подворно-наследственное и хуторское. Причем при обращении земли в общенародное достояние два последние вида *землевладения* нуждались «только в *переименовании* в подворно-наследственное и хуторское *землепользование*»; община также оставалась той же русской передельной общиной, только приспособленной к национализации земли «путем сохранения общинного землепользования при уничтожении общинного землевладения».²⁴

Если от 1917 г. вновь ненадолго вернуться к 70-м годам XIX в., то следует сказать, что и в то время общинный народнический социализм не связывал осуществление земельных преобразований только и исключительно с общиной.²⁵

²¹ Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов, 26 мая 1917 г., № 15.

²² Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов, 19 мая 1917 г., № 10.

²³ Протоколы третьего съезда партии социалистов-революционеров, с. 245.

²⁴ Земля и воля, 27 мая 1917 г., № 52. (Курсив наш, — В. Г.).

²⁵ В программе общества «Земля и воля» (1878 г.) было записано: «...мы должны требовать перехода всей земли в руки сельского рабочего сословия и равномерного ее распределения. (Мы убеждены, что две трети России будут владеть землею на общинном начале)». Сходная

Землепользование какой-то части крестьянства (у землепользователей — одной трети) мыслилось в иных, необщинных формах. И когда эсеры через несколько десятков лет после этого заявляли, что их проект социализации земли «не враждебен хуторам как определенному способу разделения земли на хозяйственные единицы», а «принципиально враждебен только частной собственности на землю», то здесь можно, на наш взгляд, говорить о каких-то самых общих народнических теоретических основах, о теоретической нити, протянувшейся от 70-х к 1910-м годам. Но то, что у народников 70—80-х годов существовало лишь в форме едва намеченной возможности, у эсеров после революции 1905 г. становилось равноправным вариантом решения аграрного вопроса. И что самое важное, усилившаяся тенденция к признанию подворного и хуторского крестьянского землепользования таким же полусоциалистичным, как и общинное, вела к усилению правых взглядов в эсеровской партии. Таким путем в разряд «трудовых» хозяйств под вполне приличной «социалистической» оболочкой попадали не только крепкие середняцкие хозяйства, но и хуторские — полукулацкие, а то и прямо кулацкие. Правое крыло и центр эсеров постепенно по ряду пунктов сближались с энесами. Это особенно сказывалось в таких злободневных после февраля 1917 г. вопросах, как социализация крестьянских наделных и купчих земель, размеры трудовой нормы землепользования, выкуп земель, обращаемых в народное достояние.

Судьба крестьянских земель при проведении социализации волновала делегатов еще I эсеровского партийного съезда в 1906 г. Во время обсуждения программы уже тогда высказывалось опасение, что «принцип социализации может столкнуться... с собственническими тенденциями части крестьянства».²⁶ Принятая на I съезде программа, однако, не заостряла внимания особо на крестьянских землях, указав лишь в общей форме, что «все земли поступают в заведование центральных и местных органов народного самоуправления». Не определяла программа и нормы землепользования. Провозглашенный принцип уравнительности выглядел очень неопределенно. «Пользование землей, — говорилось в программе, — должно быть уравнительно-трудовым, т. е. обеспечивать потребительскую норму на основании приложения собственного труда, единоличного или в товарище-

идея содержится и в одном из основных народоволюческих документов — «Программе рабочих, членов партии „Народной воли“». «Вся земля переходит в руки рабочего народа и считается народной собственностью. Каждая отдельная область отдает землю в пользование общинам или отдельным лицам, но только тем, кто сам занимается обработкой ее». — Революционное народничество семидесятых годов XIX века. Т. II. М.—Л., 1965, с. 30—31, 188.

²⁶ Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров, с. 184, 208—210.

стве». Такая формулировка допускала различные толкования. Оставалось неясным, действительно ли авторы программы предполагали последовательно проводить строго уравнительное перераспределение земли между крестьянами или обещали обеспечить только потребительскую норму-минимум, оставляя в тени возможность других, более высоких «трудовых норм».²⁷

После Февральской революции вопрос о нормах землепользования из сферы теории перешел в область практики и приобрел тем самым особую остроту. В литературе неоднократно отмечалось сползание эсеров, особенно их правого крыла, на позиции защиты интересов зажиточных слоев крестьянства. Действительно, резко отрицательное отношение к мироеду-кулаку, характерное для классического народничества и даже для значительной части социалистов-революционеров начала XX в., постепенно сменялось примиренческими настроениями, стремлением не обострять классовую борьбу внутри крестьянства. Прикрытый утопической социалистической оболочкой, эсеровский буржуазный демократизм становился все более умеренным. Особенно значительную роль в этом процессе сыграли изменения в социальной структуре деревни после Столыпинской реформы.

Даже Н. Я. Быховский, занимавший сравнительно радикальную позицию в аграрном вопросе, говорил на II Петроградской конференции эсеров в апреле 1917 г., что существующие, помимо общинников, «4,5 миллиона мелких собственников-крестьян составляют призадуматься». «Междоусобная борьба» между ними и бедняками, «между деревенской беднотой и более зажиточными элементами, между общинниками и отрубниками», «такая междоусобица внутри деревни» теперь, по мнению Быховского, «была бы, конечно, только на руку вдохновителям контрреволюции».²⁸

Сходное настроение мы видим и у редактора петроградской «Земли и воли» В. Е. Зюрюкина. В статье «Крестьяне и земля» (6 мая 1917 г.) он выразил сожаление по поводу того, что «начавшееся движение среди крестьянского населения по самовольному захвату частновладельческой земли с помещиков переходит и на более мелких земельных собственников, на хуторян и отрубников».²⁹

Депутат II Петроградской конференции эсеров Дидусенко сетовал по тому же поводу: «Вбит клин в общину, имеется класс собственников. Если бы у всех из них количество земли соответствовало трудовой норме, вопрос упрощался бы, но некоторые имеют сверх нее. Пока мы останемся на точке зрения I съезда,

²⁷ Предложение изложить соответствующее место о нормах таким образом, чтобы было четко указано, что «размеры наделения землей не должны превышать трудовой нормы и нарушать потребительной», было отвергнуто большинством съезда. См.: Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров, с. 252.

²⁸ Дело народа, 14 апреля 1917 г., № 24.

²⁹ Земля и воля, 6 мая 1917 г., № 36.

а детали разработаем после». ³⁰ Обращает на себя внимание это словечко «пока». Дидусенко был явно готов к пересмотру некоторых основных положений аграрной программы своей партии. Для него это являлось только вопросом времени и обстоятельств.

Претендуя на то, чтобы быть выразителями интересов всего так называемого трудового крестьянства, и оказавшись в то же время перед фактом усилившейся в результате Столыпинского законодательства поляризации деревни, эсеровские лидеры стали на скользкий путь лавирования, скатываясь все более и более вправо, к энесам. Интересно в этом отношении сравнить речи представителей той и другой партии на I Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов.

Один из основных докладчиков на съезде энес Н. П. Огановский, произведя подсчеты общего количества удобной земли в европейской части России и разделив полученную цифру на общее число крестьянских хозяйств, нашел, что в среднем на одно хозяйство придется 11 десятин — чуть выше потребительской нормы. Поделить так землю означало затронуть интересы тех, у кого имелось свыше 11 десятин на двор. На это энес Огановский пойти не мог. «Всеобщее разделение земли признается большинством нашей партии невозможным, — заявил он, — потому что оно восстановило бы против себя значительную часть, если не большинство, крестьян». Естественно, тут же возникал вопрос о верхних границах не подлежащего отчуждению надела, о той самой «трудо­вой» норме, не переступая которую хозяйство могло считаться трудовым. Цифры эти имели принципиальное значение, и у Огановского они очень высоки — для разных районов от 25 до 75 десятин на двор. «В пределах этих норм, — по его мнению, — земля должна быть оставлена в пользовании отдельных хозяйств». ³¹

Такая позиция не была новой для партии народных социалистов. Еще со времени первой русской революции они выражали, по словам В. И. Ленина, интересы «хозяйственных мужиков», боявшихся «произвести слишком крутой переворот» в земельных отношениях, желавших взять землю у помещика, по отношению не собиравшихся делиться ею с бедняком. ³² Любопытно другое. Огановский заявил на съезде об определенной согласованности в деле подготовки земельной реформы энесов, эсеров и трудовиков. «Мы — все три народнические партии, — сказал он, — считаем возможным и необходимым произвести отчуждение не свыше трудовой нормы». ³³

³⁰ Дело народа, 14 апреля 1917 г., № 24.

³¹ Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов, 18 мая 1917 г., № 9.

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, с. 287.

³³ Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов, 18 мая 1917 г., № 9.

Сближение энесов и эсеров (правого крыла и центра) в аграрном вопросе после февраля 1917 г. (и даже еще ранее) несомненно. Но было бы неправильным, на наш взгляд, игнорировать и различия, хотя бы эти различия касались не существа, а деталей.

От имени эсеров на I Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов с докладами выступали, кроме Н. Я. Быховского, С. Л. Маслов и В. М. Чернов. Последний, представив себя не как министра земледелия, а как «делегата крестьянского», подробно остановился на проблеме потребительской и трудовой норм землепользования. Как и Огановский, Чернов считал необходимым иметь две нормы, но в отличие от энесов предпочел обойти щекотливый вопрос об абсолютных размерах наделов, заявив, что это должны определить местные земельные комитеты. Чернов призвал также, что само наличие двух норм в принципе противоречит эсеровской программной идее уравнительности, но это тем не менее необходимая первая ступень к грядущему земельному «поравнению», к некоей средней всероссийской норме. Переход ко второму этапу земельной реформы, однако, не мыслился им как новый всеобщий передел земли. Он предлагал совершенно другой путь, а именно усиленное налогообложение участков, превышавших новую среднюю норму. Средства, полученные от налоговых поступлений, должны были, с одной стороны, пойти на улучшение хозяйства тех, у кого земли по-прежнему будет меньше, а с другой, — сделать не столь соблазнительным владение земельными излишками. Таким путем, «без ломки землепользования», Чернов планировал ликвидировать то, мягко говоря, «недостаточное равенство» крестьян, которое, как он и его единомышленники отлично сознавали, продолжало бы сохраняться в деревне и после так называемого обращения земли в общенародное достояние с потребительской и трудовой нормами.³⁴

Характерная для лидеров эсеров в послефевральский период боязнь обострения классовой борьбы в деревне, и в частности розни между различными группами крестьянства, в мае — июне 1917 г. наглядно проявилась в рекомендациях, даваемых Черновым по вопросу о казачьих землях. Проходивший в это время общеказачий съезд решительно высказался против ликвидации казачьих земельных привилегий. Сама мысль о том, что, может быть, придется делиться землей с «иногородними», вызвала у представителей зажиточного казачества резкий протест. Со своей стороны беднота, жившая в казачьих областях, требовала обещанного обращения земель в общее достояние. В создавшейся обстановке надо было хотя бы словесно как-то продемонстрировать свою верность программным принципам. На помощь

³⁴ Там же, 19 мая 1917 г., № 10.

вновь пришла идея постепенной, двухступенчатой социализации. Успокаивая делегатов на съезде крестьянских Советов, Чернов применительно к казачьим землям рекомендовал ту же постепенность, как и вообще в отношении всего земельного вопроса. «Было бы неосторожно, — говорил он, — сразу грубым манером отрезать весь излишек и вызвать то, что новые пришельцы и старые сойдутся и пойдут друг друга в колья».³⁵ Так, в мае 1917 г. эсеровский министр земледелия конкретизировал выработанное за одиннадцать лет до этого при самом активном его участии программное положение об уравнильно-трудовом землепользовании.

В 1917 г. подверглась «уточнению» не только эта часть программы. Не менее остро стоял вопрос и о выкупе земли. Еще на I съезде партии эсеров некоторые делегаты не исключали возможности частичного выкупа помещичьих земель.³⁶ Но это было правое крыло съезда, будущие энесы. Однако, когда речь заходила о крестьянских купчих землях, превышавших вместе с наделными трудовую норму, то здесь проявляли колебание и некоторые правоверные социалисты-революционеры, предлагая, чтобы «земли, приобретенные на трудовые деньги», были выкуплены.³⁷

Правда, в 1906 г. эти мнения не нашли поддержки у большинства съезда. В окончательном тексте программы было записано: «Земля обращается в общенародное достояние без выкупа». По-видимому, это относилось ко всем разрядам земель. Во всяком случае о выкупе крестьянских земель нигде в программе особо не упоминалось. Но мысль о допустимости выкупа все же не умерла. Напротив, она получила дальнейшее развитие, поскольку этому, естественно, способствовало появление сотен тысяч новых хозяйчиков на отрубных и хуторских землях. Уже упоминалось о том, что наличие 4,5 млн мелких собственников заставляло «призадуматься» даже представителя левого течения в эсеровской партии Н. Я. Быховского. На II Петроградской городской конференции эсеров напоминалось, что, «признавая конфискацию без выкупа, партия с.-р. и ранее в литературе указывала, что трудовые хозяйства отчуждаются с выкупом».³⁸

В некоторых статьях велась речь о «вознаграждении» даже помещиков. Хотя партия социалистов-революционеров «стоит вообще на той точке зрения, что национализация и социализация должны быть проведены в интересах трудового крестьянства без выкупа, — писала «Земля и воля» 3 июня 1917 г., — пока вопрос о том, будет ли у нас экспроприация класса землевладельцев возмездная или безвозмездная, остается открытым», «события не решились его ни в ту, ни в другую сторону», но «вообще есть основа-

³⁵ Там же.

³⁶ Протоколы первого съезда социалистов-революционеров, с. 90—92.

³⁷ Там же, с. 192, 202, 205.

³⁸ Дело народа, 14 мая 1917 г., № 24.

ния ожидать частичного вознаграждения нынешних землевладельцев и держателей закладных листов». ³⁹ Разумеется, сторонники выкупа понимали, что крестьяне на выкуп не согласятся и не допустят обложения себя для этого каким-либо новым налогом. Поэтому они выдвигали проекты проведения выкупной операции за счет государства, путем выпуска займов, обложения имущих классов и т. п. ⁴⁰

Министр земледелия В. Чернов о выкупе, так же как и о порках землепользования, высказывался уклончиво. Вместо ясного и твердого определения своей и записанной в партийной программе точки зрения он демагогически апеллировал к крестьянским массам, заявив на I Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов: «Вопрос о том, что должно быть положено в основу земельной реформы, какое начало, по всем этим вопросам о собственности на землю, выкупе или невыкупе — по всем этим вопросам, решите дело вы, в земельных комитетах, без всякой в этом отношении указки, всякого стремления продиктовать вам какую-нибудь волю». ⁴¹ По существу такое выступление означало, что Чернов хочет оставить за собой свободу выбора действий в зависимости от обстоятельств. Более откровенно говорил об этом несколько ранее на петроградской эсеровской конференции Быховский: «Сейчас мы стоим на точке зрения, что выкупа не должно быть; что будет дальше — увидим. Если мы увидим, что отрицание выкупа может грозить резней между большинством и меньшинством крестьянства, мы, может быть, найдем и на уступки». ⁴² И хотя и I Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов, и III съезд партии эсеров в своих резолюциях высказали безоговорочно отрицательное отношение к выкупу, это, как видно, все же не означало окончательного решения вопроса даже для самих эсеров. Многие из них продолжали склоняться в пользу выкупа, и все зависело от того, каково будет реальное соотношение сил в партии и стране в решающий момент.

* * *

До сих пор речь шла о различных толкованиях некоторых принципиальных программных положений, делавшихся эсеровскими теоретиками в межреволюционный период и в первые месяцы после февраля 1917 г. Но существовала еще и обширная область тактики. Темпы, сроки, способы осуществления аграрной про-

³⁹ Земля и воля, 3 июня 1917 г., № 58.

⁴⁰ Земля и воля, 3, 7 июня 1917 г., № 58, 61; Дело народа, 14 апреля 1917 г., № 24.

⁴¹ Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов, 26 мая 1917 г., № 15.

⁴² Дело народа, 14 апреля 1917 г., № 24.

граммы-минимум были поставлены в зависимость от множества обстоятельств, и это вызывало не менее острые споры в партии, чем вопросы об общине, земельных нормах и выкупе.

Тактика эсеров в аграрном вопросе в 1917 г. также требовала определенного теоретического обоснования и находилась в тесной связи с их отношением к государственным учреждениям, которые должны были образоваться в стране после свержения самодержавия. У эсеров никогда не было четких представлений о классовой основе политического строя России после свержения самодержавия. В их программе «класс крупных промышленников и торговцев» безоговорочно заносился в союзники монархии. Но одновременно подразумевалось, что осуществление программы-минимум все же будет происходить «в пределах буржуазного государства».

Борьбу с царизмом наряду с пролетариатом, трудовым крестьянством и революционно-социалистической интеллигенцией вела, по утверждению эсеров, еще и довольно неопределенная «либерально-демократическая оппозиция», охватывающая «преимущественно промежуточные в классовом отношении элементы образованного общества». К этой либерально-демократической оппозиции, очевидно, и должна была перейти власть, поскольку рабочим, крестьянам и социалистической интеллигенции программой отводилась после победы революции роль «революционного меньшинства», способного «оказывать лишь частичное влияние на изменение общественного строя и ход законодательства».⁴³ И хотя либерально-буржуазная оппозиция и оказывалась, таким образом, оторванной от какого-либо класса, в этом программном положении уже содержался зародыш будущего сотрудничества с так называемыми «живыми силами» русской буржуазии, которым в 1917 г. было доверено, правда под контролем и давлением Советов, руководство страной в революционный период.

Поэтому, когда в феврале—марте 1917 г., имея реальную возможность взять власть, эсеры (совместно с меньшевиками) не воспротивились образованию буржуазного Временного правительства, они, можно сказать, в общем действовали в соответствии с утвержденной на своем I съезде программой.

Поскольку социализация земли входила в программу-минимум и, следовательно, ее осуществление предполагалось при буржуазном правительстве, возникал вопрос, какова будет реальная роль государственных учреждений в этом процессе. Судя по программе, эсеры собирались после свержения самодержавия вести политику «частичных завоеваний», которые должны были постепенно, особенно в деревне, подрывать буржуазный строй. От правительства под нажимом «революционного меньшинства» следо-

⁴³ Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров, с. 359—360.

вало добиваться соответствующих постановлений, которые бы не препятствовали или даже способствовали осуществлению в возможно полной мере всех пунктов программы-минимум. Отношение к должествующему прийти на смену самодержавию правительству было, таким образом, в эсеровской программе двойственным и противоречивым. С одной стороны, это была сила, враждебная социализму, которая только под нажимом могла провести какие-либо мероприятия в пользу трудящихся; с другой, — строились определенные расчеты на государственную помощь той же социализации.⁴⁴

Это двойственное отношение к приходящему на смену самодержавию буржуазному государству сказалось, в частности, на самом понятии социализации земли. Однозначного представления об этом у эсеров никогда не было. В период революции 1905 г. социализация земли большей частью противопоставлялась национализации, которая понималась как переход земли в собственность государства. Поскольку же предполагалось, что государство будет поначалу буржуазным, отношение к национализации было отрицательным, ибо в этом случае буржуазное правительство получало, по мнению эсеров, дополнительные возможности для давления на трудящихся. Преимущество социализации в их глазах как раз и заключалось в том, что она, объявляя землю общенародным достоянием,⁴⁵ отдавала ее непосредственно в уравнительно-трудовое пользование крестьянам и пробивала этим брешь в отечественном капитализме. В то время эсеры соглашались поддержать национализацию земли только при условии сосредоточения власти «в руках рабочего класса». В этом случае она, по их понятиям, совпадала с социализацией.⁴⁶

После Февральской революции так занимавшая ранее партийных теоретиков проблема соотношения социализации и национализации почти не затрагивалась на страницах эсеровской печати. Былую страстность споров сменило благодушное примиренческое настроение. Говоря о возможном объединении народнических партий и групп (трудовиков, народных социалистов и социалистов-революционеров), «Дело народа» в основу обязательной объединительной платформы, не подлежавшей обсуждению, ста-

⁴⁴ Так, например, в программе говорилось, что партия социалистов-революционеров «будет стоять ... за коммунальную, земскую, а равно и государственную политику, благоприятствующую развитию коопераций на строго демократических началах». Был внесен также пункт об организации «земскими и областными органами самоуправления при помощи общегосударственных средств широкого кредита для развития трудового хозяйства».

⁴⁵ Термин «достояние» эсеры противопоставляли понятию «собственность». Подробнее об этом см.: В. И. Гинев. Из истории разработки аграрной программы социалистов-революционеров. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Т. IV. Л., 1972, с. 244—245.

⁴⁶ Социализация земли и кооперация в сельском хозяйстве. — Революционная Россия, 1903, № 15.

вило только «республику и социализм». «Другие вопросы — социализация или национализация земли, выкуп или конфискация» — могли, по мнению центрального органа эсеров, «вполне мирно и безболезненно обсуждаться и в пределах одного течения».⁴⁷ В некоторых статьях социализация земли, ранее резко противопоставлявшаяся буржуазной национализации, из альфы и омега эсеровской аграрной программы превращалась всего лишь в один из возможных видов «землепользования при национализации».⁴⁸ Так незаметно исчезало отрицательное отношение эсеров к национализации земли российским буржуазным государством, конкретно — той Российской республикой, которую, по их убеждению, должно провозгласить Учредительное собрание.

Подготовка национализации и проведение ряда неотложных переходных мер доверялись под контролем Советов Временному правительству. А всякие как бы чисто словесные манипуляции терминами «национализация» и «социализация» служили мостиком, по которому рядовой эсеровской массе предлагалось перейти от настороженного отношения к буржуазному государству, какое было характерно для социалистов-революционеров периода первой русской революции, к доверию и поддержке аграрной политики «революционного» Временного правительства с участием «министров-социалистов».

Таким образом, отношение эсеров к Временному правительству не было случайным, стихийно сложившимся после февраля 1917 г. Теоретические основы взаимоотношений социалистов-революционеров и буржуазных государственных учреждений были заложены еще во времена оформления эсеровской партии. Соответствующая теория обусловила при определенных исторических обстоятельствах поддержку конкретного — Временного — правительства, а это в свою очередь послужило основой стремления решить аграрный вопрос в стране не революционно, а постепенно и компромиссно, и уже отсюда проистекало резко отрицательное отношение эсеровского правого крыла и центра к революционному захвату земель крестьянскими организациями.

* * *

Конкретный вопрос о захватах помещичьих земель — как предварительное условие социализации — не впервые возник перед эсерами после февраля 1917 г. Он также имеет свою историю, и началась она еще до I съезда их партии. Один из проектов эсеровской программы предусматривал два возможных варианта проведения социализации земли в зависимости от соотношения революционных и контрреволюционных сил: немедленный и по-

⁴⁷ Дело народа, 17 марта 1917 г., № 3.

⁴⁸ Земля и воля, 27 мая 1917 г., № 52 (статья «Социализация земли»).

степенный, через ряд переходных этапов. На I съезде часть делегатов считала, что «осуществление социализации земли может быть мыслимо лишь при очень высокой температуре общественного настроения», поэтому она «осуществима или сейчас, или лишь при социализме».⁴⁹ Другие полагали, что «нечего бояться затыжного характера революции».

После февраля, сравнивая современную тактику эсеров с их лозунгами 1905 г. (перед созывом I Думы), Чернов считал правильными в принципе призывы к массовому «захватному» движению в период первой русской революции, но отрицал их необходимость в 1917 г. Тогда, говорил Чернов, Дума была безвластна и эсеры считали, что только народное движение будет точкой опоры для борьбы с властью. Теперь же «наш лозунг — разрешение аграрного вопроса через Учредительное собрание — естественен, безусловен, единственно приемлем, тем более что этот лозунг есть лозунг, по самой природе своей глубоко организующий».⁵⁰

Стремление предотвратить захваты крестьянами помещичьей земли проявилось у эсеров буквально в первые же дни революции. Уже 4 марта 1917 г. Петроградская городская и областная конференция эсеров приняла резолюцию о «конфискации земли». В резолюции подчеркивалось, что указанная конфискация «может быть проведена только законодательным путем через Учредительное собрание, которое даст народу и землю, и волю».⁵¹ Социализация земли и самовольные захваты ее не имеют ничего общего, — разъясняло «Дело народа». Захваты, по словам «Дела народа», в отличие от социализации направлены «не на уничтожение частной собственности на землю, а только на насильственную замену одного собственника другим».⁵²

Однако в 1917 г. ни одна политическая партия (за исключением, может быть, анархистов) не призвала крестьян к самовольным беспорядочным захватам. Буржуазная и мелкобуржуазная печать обвиняла в этом большевиков. Но это было ложью. Право окончательно решить земельный вопрос большевики в это время признавали за Учредительным собранием.⁵³ Не по вопросу о прерогативах и роли Учредительного собрания расходились они с эсерами и меньшевиками в первые месяцы после Февральской революции. Основу разногласий составляло различное определение, во-первых, тех временных изменений в земельных отношениях, которые следовало провести в жизнь сразу же, не дожидаясь Учредительного собрания, во-вторых, того, чьими руками, кто будет эти изменения проводить. Наконец, принципиально

⁴⁹ Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров, с. 316.

⁵⁰ Дело народа, 12 апреля 1917 г., № 22.

⁵¹ Дело народа, 15 марта 1917 г., № 1.

⁵² Там же, 16 марта 1917 г., № 2.

⁵³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, с. 174.

различным было определение того пути, который вел российскую деревню «из капитализма в социализм».⁵⁴ Но это уже особый вопрос.

В. И. Ленин в своей речи на I Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов 22 мая 1917 г. рекомендовал крестьянам немедленно брать помещичью землю во временное пользование. Такая мера отнюдь не означала закрепления временного перераспределения земель в постоянное и тем более перехода ее в собственность отдельных крестьян или групп. Арендная плата за землю помещикам, разумеется, при этом отменялась. Брать землю Ленин советовал крестьянам организованно, через свои крестьянские организации. В отличие от эсеров большевики отдавали предпочтение крестьянским Советам, а не образовывавшимся по решению Временного правительства местным земельным комитетам. Беднейшие крестьяне и батраки должны были организоваться в самостоятельные группы. Из крупных помещичьих имений рекомендовалось создавать образцовые хозяйства с общей обработкой земли. Таков был ленинский план временного распоряжения землей до Учредительного собрания.⁵⁵ План большевиков был направлен на немедленную ликвидацию помещичьего землевладения и на создание условий для последующих социалистических преобразований в сельском хозяйстве.

Необходимость срочного принятия каких-то мер для ослабления напряженности в деревне прекрасно сознавалась и эсерами. Впрочем, это понимали не только эсеры, но и энесы. Иной раз энесы ставили вопрос о переходных мерах резче некоторых эсеров. «Процесс разрушения старых норм и отношений и замена их новыми не может быть отсрочен до Учредительного собрания и тем более до создания новых законодательных учреждений», — писал лидер энесов А. Пешехонов. Учредительному собранию «вероятнее всего придется лишь оформить и санкционировать то, что будет совершено и достигнуто в процессе революции». Правда, Пешехоновым в данном случае владела не столько забота о немедленном удовлетворении земельного голода малоимущих крестьян, сколько боязнь стихийного нарастания крестьянского движения, которое, если его вовремя не ввести в организованные рамки и не успокоить уступками, может не ограничиться помещичьими землями, а затронуть и тех, кто имел земли свыше трудовой нормы или слишком большую «трудовую» норму. Аграрную революцию «отсрочить, отложить ... повторяю, немислимо, — предупреждал Пешехонов. — Весь вопрос в том лишь, пойдет ли она дальше анархическим путем или в организованных формах». «Нужны не подготовительные совещания, не теоретическая под-

⁵⁴ Там же, с. 183.

⁵⁵ Там же, с. 165—189.

готовка и разработка законопроектов, а быстрые и логичные распорядительные и исполнительные действия».⁵⁶

Как бы то ни было, пусть со своей точки зрения, но Пешехов дал эсерам предметный урок, показав, к чему может привести их медлительность и нерешительность. Эсеровское «Дело народа», напечатавшее статью Пешехонова, урок этот приняло, сопроводив статью таким редакционным примечанием: «А. В. Пешехов ставит чрезвычайно важный вопрос, заслуживающий, несомненно, самого пристального внимания».

На I Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов эсеры поставили специальный доклад С. Л. Маслова «Временные правила пользования землей». В нем повторялась выдвинутая еще раньше идея о запрещении всех товарных сделок на землю. Эсеры придавали этой мере чрезвычайно большое значение. Они проводили ее под лозунгом сохранения в неприкосновенности всего земельного фонда до Учредительного собрания. Но под тем же лозунгом они выступали и против организованного захвата помещичьих земель. По существу вопрос ставился так: крестьяне должны прекратить захваты, а помещики — продажу земли, дарения, отдачу в залог и т. п., и таким образом обе стороны, ставившиеся эсерами на одну доску, как бы одинаково поступались частью своих интересов.

Конечно, крестьян волновало стремление крупных землевладельцев продать землю, раздробить ее на мелкие участки путем фиктивных сделок, отдать в залог в банк и вообще тем или иным способом запутать земельные отношения. Поэтому, учитывая эти настроения, другой лидер эсеров В. М. Чернов и призывал Временное правительство скорее совершить этот «акт высокой государственной мудрости», ибо, «если этого не сделает власть, то, хотим мы того или не хотим, а в этот вопрос самочинно вмешаются сами крестьяне, и не одни крестьяне тыла, но и крестьяне фронта».⁵⁷

Однако эсеры понимали, что одно только запрещение сделок на землю не сможет удовлетворить крестьян и заставить их спокойно ждать решения Учредительного собрания. Поэтому дополнительно они предлагали упорядочить аренду и заставить помещиков несколько понизить арендные цены. Разумеется, эти меры подавались крестьянам под острой приправой выпадов против помещичьего «частного произвола», резких слов о срочной необходимости изменить «кабальные условия аренды» и т. п. По существу же дела имелось в виду, судя по речи С. Маслова на I Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов, отменить торги на аренду, заменив их распределением подлежащих аренде земель (небольшими участками) между наиболее нужда-

⁵⁶ Дело народа, 23 марта 1917 г., № 8.

⁵⁷ Дело народа, 12 апреля 1917 г., № 22.

ющимися крестьянами из соседних деревень. Обязательной сдаче в аренду подлежали только пустующие помещичьи земли. Арендная плата, установленная в спорных случаях по согласованию с примирительными камерами или местными земельными комитетами, шла помещикам. Все это на языке С. Маслова и В. Чернова называлось ликвидацией «злоупотреблений» в земельных отношениях, уничтожением «монополии собственников» и расширением «трудового землепользования» без преждевременного вторжения в острый вопрос о земельной собственности.⁵⁸

Однако требования крестьян выходили далеко за рамки предлагаемых эсеровскими лидерами полумер. Это ярко показали прения по аграрному вопросу на I Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов. В подавляющем большинстве выступлений, опубликованных эсеровской газетой, делегаты из крестьян высказались за немедленную передачу всех помещичьих земель в полное распоряжение местных земельных комитетов, которые распределили бы ее во временное пользование между крестьянами. Арендная плата за землю должна была, по мнению крестьян, идти не помещикам, а на местные нужды или в казну. Простые, бесхитростные речи крестьян на Всероссийском съезде удивительно напоминали по своему классовому подходу к земельному вопросу и даже по форме выступления крестьянских депутатов в I и II Государственной думе.

«Товарищи, я тот самый пахарь земли, который 300 лет спал и теперь проснулся, — заявил на съезде делегат Терехин, представлявший Казанский округ. — И я скажу громкое и веское слово всем социалистам, которые прислушивались ко мне на трудовой ниве и проводили свои идеи. . . Товарищи, не надо нам примирительных камер. Мы добились права на землю, мы и разделим ее в лучшем виде».⁵⁹ Делегат Бунашков выражал искреннее недоумение, зачем надо оставлять землю до Учредительного собрания у помещиков: «Почему нужно, чтобы помещики хранили, а не сам народ до Учредительного собрания — тут весь сыр-бор».⁶⁰ Мы не можем оставлять такое опасное оружие, как хлеб, в руках у помещиков, говорил делегат Зайцев.⁶¹ Сходные мысли мы видим у Шарапова: «Я присоединяюсь к тем товарищам, которые говорят, что землю нужно взять сейчас же, но взять ее нужно организованным путем».⁶² Будто сговорившись, выступали член сибирской делегации Нестеров и представитель южных областей России Никитин: «Товарищи, ведь мы не хотим

⁵⁸ Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов, 19 мая 1917 г., № 10; Дело народа, 12 апреля 1917 г., № 22.

⁵⁹ Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов, 26 мая 1917 г., № 15.

⁶⁰ Там же, 27 мая 1917 г., № 16.

⁶¹ Там же, 3 июня 1917 г., № 22.

⁶² Там же, 27 мая 1917 г., № 16.

каких-то основных законов, чтобы земля на вечные времена перешла к нам; мы только говорим, что крестьянам необходима земля, и поэтому промедление с этой передачей земли — смерти подобно» (Нестеров).⁶³ Нам нужно не обещание или декрет, отрицающий частную собственность, «а нам нужно только именно то, чтобы мы получили право распоряжаться всеми землями, какие есть на местах, чтобы наши комитеты были вправе пользоваться ими в общенародных целях» (Никитин).⁶⁴

Те, кто выступал за немедленную ликвидацию помещичьего землевладения, были единодушны и в вопросе об арендной плате. По мнению Евсеева (Поволжская область), арендная плата должна устанавливаться местными земельными комитетами и поступать на нужды местных самоуправлений, а по удовлетворении их — в государственное казначейство.⁶⁵ Арендная плата не должна идти помещикам, ее нужно переправлять через волостные комитеты в казну (Зайцев, Центральная область).⁶⁶ Доходы от аренды следует отдавать в местные земельные комитеты (Кузьмин, Приозерская область).⁶⁷ Арендная плата за землю должна поступать «в крестьянскую комиссию для нужд страны, а отнюдь не в карманы помещиков» (Лаврентьев, Кавказская армия).⁶⁸

Подобные выступления прямо перекликались с речью на съезде В. И. Ленина. «Защищая немедленный и бесплатный переход помещичьих земель в руки местных крестьян, — говорил он, — мы никоим образом не защищаем захвата этих земель в собственность, мы никоим образом не защищаем раздела этих земель. Мы предполагаем, что земля должна быть взята под один посев местным крестьянством по решению, припятому большинством местных крестьянских делегатов». И далее: «Пусть крестьянин знает, что он берет помещичью землю, пусть, если он платит, то платит в крестьянские, уездные кассы, пусть он знает, что эти деньги пойдут на улучшение сельского хозяйства, на мостовые, дороги и т. п. Пусть он знает, что берет не свою землю, но и не помещичью, а землю общенародную, которой Учредительное собрание окончательно распорядится».⁶⁹

Предложения В. И. Ленина были созвучны настроению большинства рядовых крестьянских делегатов. Эсеровскому руководству так и не удалось повернуть аграрные прения в нужное русло. Крестьяне внимательно слушали выступления министров и

⁶³ Там же, 9 июня 1917 г., № 27.

⁶⁴ Там же, 10 июня 1917 г., № 28.

⁶⁵ Там же, 26 мая 1917 г., № 15.

⁶⁶ Там же, 3 июня 1917 г., № 22.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же, 28 мая 1917 г., № 17.

⁶⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, с. 169, 174.

партийных вождей, аплодировали, но когда получали слово, стихийно продолжали гнуть свою крестьянскую линию, требуя землю немедленно. Трудности, возникшие в связи с этим на съезде, признавали сами эсеры. Аграрный вопрос, писали в передовой статье, подводящей итоги съезда, «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов», «отнял больше всего рабочих дней съезда. Решения намечались с трудом, и призраком раскола все время витал над съездом в атмосфере страстных прений и тревожных настроений. В самом характере прений сказалась некая тяга русского крестьянства к земле, и вот почему мнения и положения оказались такими непреложными».⁷⁰

Однако, когда дело дошло до голосования, большинство делегатов все же не решилось открыто пойти против пользующихся еще большим авторитетом «своих» «министров-социалистов», тем более что в ход была пущена угроза их коллективной отставки. В итоге съезд почти единогласно принял предложенную эсерами резолюцию. «Заслугу разрешения вопроса» эсеровская печать относила «в значительной мере на долю исторического выступления перед съездом „мужицкого министра“ В. М. Чернова».⁷¹

Конечно, речи Чернова, Маслова, Пешехонова и других оказали определенное воздействие на крестьян. Но не только в этом заключалась причина принятия указанной резолюции. Немаловажное значение, помимо всего прочего, имел тот факт, что некоторые спорные положения в ней были сформулированы так, что допускали различное толкование. И подача голоса за резолюции «мужицким министром» Черновым и настоящим мужиком из деревни еще не означала, что все пункты в ней они понимают одинаково. Прежде всего это относится к разделу о правах и круге обязанностей земельных комитетов, особенно местных. Здесь не было согласия и внутри самой эсеровской партии.

В этом отношении определенный интерес представляют резолюция II Петроградской городской конференции эсеров, прошедшей незадолго до открытия Всероссийского съезда крестьянских Советов, и выступление на этой конференции с докладом по аграрному вопросу Н. Я. Быховского. Выше уже подробно говорилось о его взглядах на крестьянскую общину. Превознося общину, Быховский сдержанней, сравнительно со своими коллегами по партии, относился к подворному и тем более к отрубному и хуторскому землевладению и землепользованию. Думается, предпочтение им общинного пути к социализму в определенной сте-

⁷⁰ Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов, 30 мая 1917 г., № 18.

⁷¹ Там же.

пени явилось теоретической основой его более радикальных предложений относительно принятия ряда временных изменений в земельных отношениях. Быховский выступил за «немедленное изъятие всего подлежащего отчуждению земельного фонда», хотя бы и на «временных условиях», поскольку «немедленное изъятие всего подлежащего отчуждению земельного фонда поставит землевладельческий класс перед свершившимся фактом и сделает этот класс более уступчивым при выработке Учредительным собранием окончательных условий перехода всей земли в руки трудового народа».⁷²

В менее решительных выражениях, но в целом выдержанная в духе доклада резолюция постановляла, что местные земельные комитеты должны заведовать всем земельным фондом и распределять его во временное пользование среди местного земледельческого населения. Местные земельные комитеты, согласно резолюции, должны были иметь право устанавливать временную трудовую норму, а также минимум земельной площади, не подлежащей отчуждению. Кроме того, они могли определять размеры обложения земли.⁷³ Все это шло значительно дальше тех временных мер, которые считало необходимым провести центральное руководство эсеровской партии.

В резолюции, принятой I Всероссийским съездом Советов крестьянских депутатов, также говорилось о переходе всех земель в ведение земельных комитетов. Но под этим эсеровский центр подразумевал только регулирование земельными комитетами взаимоотношений между крестьянами и помещиками. Местные земельные комитеты могли оказывать некоторое влияние на определение арендных цен и порядок предоставления земли в аренду, но изъятие помещичьей земли допускалось лишь в исключительных случаях и с разрешения Главного земельного комитета. В определении задач земельных комитетов эсер С. Маслов солидаризировался на съезде с энесом Пешехоновым.⁷⁴

Различный подход к аграрной проблеме внутри эсеровской партии, проявившийся уже в первые месяцы после Февральской революции, не остался незамеченным и для самих эсеров. Петроградская «Земля и воля» во второй половине мая перед открытием III партийного съезда уже была тревогу по поводу правого уклона в партии. «С чувством значительной тревоги» газета отмечала, что в партию «начинают просачиваться некоторые совершенно чуждые ей взгляды». Появилось много трезвых практиков и людей малых дел, приличествующих трудовикам или энесам, но

⁷² Дело народа, 13 апреля 1917 г., № 23.

⁷³ Дело народа, 6 апреля 1917 г., № 17.

⁷⁴ Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов, 18, 19 мая 1917 г., № 9, 10.

никак не социалистам-революционерам.⁷⁵ «Земля и воля» призвала «во всей чистоте» сохранить революционную и социалистическую силу партии и предостерегала как от ослепляющего фанатизма, так и еще больше — от «той компромиссности, которая слишком часто сводит политическую работу уклоном, зачастую незаметным, с прямого и верного, хотя и труднейшего пути на путь наименьшего сопротивления — далеко в сторону от первоначальных, целостных задач движения».⁷⁶

По-видимому, определенная часть членов эсеровской партии ожидала, что на предстоящем съезде состоится дискуссия о задачах партии в новых условиях, и в этой связи даже ставила задачу произвести «всесторонний анализ» недостаточно полных программных положений, предполагая определенный пересмотр их с левых позиций.⁷⁷ Но на состоявшемся в конце мая — начале июня 1917 г. в Москве III съезде партии эсеров принципиального разговора не получилось. Съезд проходил в обстановке спешки, многие видные деятели партии под предлогом занятости министерской работой на съезд не приехали или появлялись очень ненадолго.

Аграрный вопрос на съезде оказался также «скомканным». Это явилось вполне логичным следствием отношения эсеровского руководства к положению в партии. Оно, видимо, нашло целесообразным по возможности избежать открытого столкновения различных течений. Разногласия между центром, правым и левым крылом эсеров в аграрном вопросе на съезде резко не проявились.

Между тем обстановка в деревне с каждой неделей делалась все более напряженной. Эсерам становилось все труднее уговаривать крестьян отложить решение всех коренных земельных проблем до Учредительного собрания, а закон о земле, который они готовились предложить там, все более явственно приобретал черты сделки с цензовыми элементами. В крестьянстве смутно зрела тревога за благополучный исход дела, и уже в сентябре недовольство стало кое-где переходить в открытые волнения. Наряду с этим быстро усиливалось влияние большевиков, предлагавших немедленные радикальные преобразования. В стране складывались условия для решения аграрного вопроса властью Советов. В создавшейся ситуации левые эсеры стали склоняться к соглашению с большевиками как наиболее последовательными защитниками крестьянских интересов. Однако развитие взглядов и эволюция тактики эсеров в аграрном вопросе после III съезда требуют специального исследования.

⁷⁵ Земля и воля, 17 мая 1917 г., № 44 (статья В. Трутовского).

⁷⁶ Там же, 20 мая 1917 г., № 47 (передовая).

⁷⁷ Там же, 17 мая 1917 г., № 44 (передовая).